

Баросев. Вост. 1874.  
N 268.

### БАЗЕМЪ ВЪ ЗИНГА-АТА \*).

Въ 20 верстахъ отъ Ташкента, по дорогѣ въ Чиназъ, расположено небольшое мѣстечко Зинга-ата, славящееся мечетью, въ которой находится гробница чтимаго въ средней Азіи святаго Зинга-ата. Ежегодно, въ августѣ мѣсяцѣ, когда поспѣетъ виноградъ, массы народа собираются въ городъ, для поклоненія гробу святаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повеселиться на продолжающемся три дня праздникѣ. Не только сарты изъ Ташкента, но даже многіе жители Самарканда и Катта-Кургава (городовъ, отстоящихъ отъ Ташкента верстъ на 300 и болѣе) пріѣзжаютъ на этотъ праздникъ.

\*) Баземъ—это празднество, на которомъ пляшетъ бача, т. е. мальчикъ - танцоръ, одѣтый преимущественно въ яркіе и пестрые цвѣта. Онъ же и бываетъ хозяиномъ вечера: наливаетъ чай, раздаетъ угощеніе и пользуется такимъ же, если не большимъ, уваженіемъ, какимъ пользуются у насъ хозяйки дома. Въ чай-ханѣ, въ которую я вошелъ, былъ еще другой бача, сынъ хозяина лавки. Онъ не танцевалъ, а занимался только продажей чая. Повидимому, онъ былъ выставленъ отцомъ какъ приманка, для того, чтобы посѣтители болѣе пили чай, курили и проч. Маленькій бача хорошо сознавалъ свою обязанность, и, кокетничая съ посѣтителями, переходилъ отъ одного кружка къ другому, требуя вездѣ достарханъ, чай и чилимъ и угощая этимъ свой кружокъ, а его бородатые поклонники, осчастливленные такимъ вниманіемъ, щедро платили за потребованное бачею. Маленькій хитрецъ зорко слѣдилъ за присутствующими, и какъ только замѣчалъ гдѣ nibудь ничего не требовавшихъ посѣтителей, тотчасъ направлялся въ тотъ уголъ и вслѣдъ за этимъ оттуда раздавалось ребованіе чая и проч.



Представьте себѣ, читатель, что вы, увлекаясь всеобщимъ теченіемъ, тоже садитесь въ тарантасъ и ѣдете въ Зинга-ата. Выѣзжая изъ города, вы около 7 верстъ проѣзжаете сартовскими садами, между сплошныхъ глиняныхъ стѣнъ. Нѣсколько лавокъ съ дынями и разной живностью попадаютъ вамъ на пути. Но вотъ эти сады кончаются и передъ вами развертывается степь,—не та, про которую пишутъ, что она покрыта „шелковой травой“ и что на ней „разцвѣли цвѣты лазоревые, понесли духи малиновые“, а наша среднеазиатская степь, съ мелкой удушливой пылью и съ поросшими колючкою окраинами дороги. На эту колючку ни одно животное, кромѣ верблюда, и вниманія не обратитъ; только онъ предпочитаетъ ея сухія стебли всякому корму и, съ удовольствіемъ срывая, мѣрно ихъ пережевываетъ. Но это еще не самая непривѣтная часть степи. Здѣсь глазъ вашъ можетъ отдыхать на рисовыхъ, хлопковыхъ, джунушковыхъ \*\*) и другихъ поляхъ, тянущихся вдоль дороги. Мѣстами видны отдѣльныя деревья и окруженные садами кишлаки \*\*\*). Здѣсь видна

жизнь, видно, что живутъ и трудятся люди. Проѣзжая изъ Россіи въ Ташкентъ, вы до самаго Туркестана и этого не увидите.

И такъ мы съ вами ѣдемъ по Чиназской дорогѣ. Какъ ни часто здѣшніе жители видятъ тарантасы, но азіатское любопытство все-таки скажется. Всякій, попадающійся вамъ на пути, сартъ, непременно выглянетъ изъ подъ накинутой на арбу кошмы и проводить васъ глазами; иной приложитъ руку къ желудку и привѣтствуетъ васъ словами: „аманъ тура!“ \*) Подобныхъ привѣтствій вы услышите сотни, такъ какъ вся большая дорога запружена арбами и верховыми. Кажется, всѣ перевозочныя средства пущены въ ходъ. Не говоря уже про лошадей, даже на слины ивыхъ ишаковъ взгромоздилось по два наѣзника. Взгляните на этого сарта, который, заложивъ въ полы халата, съ каждой стороны, по дынѣ, сидитъ чуть не на хвостѣ маленькаго

\*\*) Джунушка—это люцерна. Ее косятъ три раза въ лѣто и, связавъ въ снопы, продаютъ отъ 1 р. 90 коп. до 5 р. за сотню, смотря по времени года. Хорошо удобренная и орошенная земля, развѣ засѣянная джунушкою, даетъ по 3 покоса въ лѣто въ продолженіи 7 лѣтъ.

\*\*\*) Кишлакъ—деревня, селеніе, въ букв. перев. зимовка, отъ слова «кишъ» (зима).

\*) Аманъ собственно значить пощади, но употребляется всегда при привѣтствіи и въ этомъ случаѣ равносильно нашему здравствуй. Тура—господинъ, офицеръ, чиновникъ, вообще благородный.



ишака (осла). Недовольствуясь собственным грузомъ, онъ еще привѣсилъ за ноги, съ каждой стороны сѣдла, по нѣсколько живыхъ утокъ и куръ. А его ишачекъ, не смотря на такую ношу, ходко перебираетъ тоненькими ножками и, помахивая большой головой, быстро везетъ своего владѣльца на праздникъ.

Показались сады Зинга-ата. Яснѣе и яснѣе вырисовывается ихъ густая зелень и, наконецъ, вы выѣзжаете въ улицу, загроможденную распряженными арбами и снующими во всѣ стороны богомольцами. Ямщикъ, не переставая, выкрикиваетъ: „хочь! хочь!“ \*\*) и съ этимъ крикомъ довозитъ васъ до мечети. Вы выходите изъ тарантаса, и между двумя рядами торговцевъ проходите къ могилѣ Зинга-ата.

Небольшія ворота въ стѣнѣ ведутъ на просторный дворъ мечети, на которомъ прямо противъ входа видна старинная мечеть съ гробницей Зинга-ата. Постройку ея приписываютъ Тимуру и, дѣйствительно, характеръ постройки и ея отдѣлка весьма сходны съ мечетями Самарканда. Зинга-ата похороненъ въ высокой четырехъугольной мечети, выложенной изъ жженого кирпича съ круглымъ куполомъ наверху. Нижняя часть какъ наружной, такъ и внутреннихъ стѣнъ, выложена голубыми израсцами, а по бокамъ входной ниши идутъ вверхъ израсцовыя-же, разноцвѣтные украшенія, мѣстами уже обвалившіяся и замазанныя просто известкой. Нижняя часть купола украшена тремя поясами изъ голубыхъ-же израсцевъ. Стѣны ниши, какъ почти у всѣхъ мечетей, покрыты пятнами отъ спинъ постоянно сидящихъ тутъ дервишей и другихъ богомольцевъ, измазаны руками и испещрены надписями. Низкая дверь ведетъ во внутренность перваго отдѣленія мечети, темнаго, съ выбѣленными когда-то, но теперь совершенно грязными, стѣнами, нижняя часть которыхъ сохранила, однако, свой цвѣтъ, благодаря голубымъ израсцамъ, которыми онъ выложенъ на аршинъ отъ пола. Узкая одностворчатая дверь, пробитая въ южной стѣнѣ, ведетъ изъ этого отдѣленія въ другое, болѣе свѣтлое, гдѣ находится гробница святаго. Прислоненный къ стѣнѣ у самой двери бунчукъ даетъ знать, что за ней похороненъ прахъ человѣка, память о которомъ чтится между мусульманами. Самая дверь постоянно заперта и ключъ находится у Казы.

\*\*) Хочь! — равносильно нашему: берегись! прочь съ дороги! Это единственный дѣйствительный крикъ, если вы хотите пробѣжать черезъ толпу. До русскаго владычества, аксакалы, идя впереди какого нибудь вельможи и очищая ему въ народѣ дорогу, всегда кричали «хочь!» Сарты хорошо помнятъ, что что за этимъ восклицаніемъ слѣдовалъ всегда ударъ палкою, и поспѣшно очищаютъ дорогу.



Я послалъ сказать ему, что желаю осмотрѣть гробницу святаго и прошу отворить дверь. Черезъ нѣсколько времени сторожъ, ходившій за ключемъ, принесъ его и съ молитвой, погладивъ себя по бородѣ, принялся отпирать замокъ. Всѣ, находившіеся въ мечети, сарты сложили руки на животъ и, опустивъ головы, нагнулись нѣсколько впередъ: знакъ глубокаго уваженія къ покойному.

Второе отдѣленіе, помѣщающееся подъ куполемъ, значительно менѣе перваго. Оно снабжено нѣсколькими узкими окнами, безъ стеколъ, съ одной рѣзной рѣшеткою, и раздѣлено пополамъ завѣсой изъ какой-то матеріи, за которой находится самая гробница, обычной азіатской постройки: съ квадратнымъ кирпичнымъ пьедесталомъ и такимъ же, суживающимся вверху подъ острымъ угломъ, возвышеніемъ. Вся гробница покрыта различными матеріями (приношенія усердствующихъ), кругомъ стоятъ нѣсколько бунчуковъ съ конскими хвостами, а на краю гробницы положены священныя книги! Стѣны этой усыпальницы закопчены отъ зажигаемой по временамъ желѣзной о четырехъ свѣтильникахъ лампы, принадлежавшей святому и находящейся тутъ-же при гробѣ. Въ противоположномъ углу виситъ мотокъ съ нитками, которыя правовѣрные навязываютъ себѣ на шею, въ память поклоненія святому.

Какъ я ни добивался, не сохранилось ли о Зинга-ата какого нибудь преданія—мнѣ никто не могъ отвѣтить. Говорили только, что это былъ батырь (богатырь), съ большою черною бородой, что умеръ онъ очень давно, лѣтъ 700 тому назадъ, и похороненъ прямо въ этой мечети, которая была уже въ то время построена.

Мечеть Зинга-ата занимаетъ юго-западный уголъ двора. Западная часть занята открытой мечетью, представляющую ихъ себя простой навѣсъ, а по остальнымъ сторонамъ двора, вплоть до воротъ, расположено одноэтажное медресе \*).

Теперь мы съ вами отправимся къ мѣсту, гдѣ широко раскинулись импровизированные изъ ковровыхъ навѣсовъ сартовскіе трактиры.

\*) Высшее учебное заведеніе.



Съ наружной стороны каждого изъ нихъ устроенъ очагъ, на которомъ грѣются мѣдныя кумганы \*) съ чаемъ, стоятъ небольшія чашки безъ ручекъ, на манеръ нашихъ полоскательныхъ, и неизбѣжная принадлежность каждой чай-ханэ—чилимъ \*\*). Полъ усланъ коврами и вся такая чай-ханэ освѣщается разноцвѣтными бумажными фонарями и просто прикрѣпленными вдоль всего навѣса въ перекладинѣ сальными свѣчами. Кромѣ того передъ каждымъ кружкомъ посѣтителей ставится отдѣльно по сальной свѣчи въ широкомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ.

Вы входите—и хозяинъ, встрѣчая васъ, ведетъ на почетное мѣсто, гдѣ разостлано ватное шелковое одѣяло. Тотчасъ передъ вами на низенькой табуреткѣ появляется достарханъ \*\*\*), состоящій изъ мелкихъ кусочковъ сахара, леденцовъ, посыпанныхъ макомъ лепешекъ и кумгана съ зеленымъ чаемъ. Хозяинъ ставитъ передъ вами, на полъ, свѣчу и наливаетъ въ чашку чая. Вы, конечно, какъ человѣкъ хорошаго тона, стараетесь, по возможности, подобрать подъ себя ноги, а не вытягиваете ихъ впередъ и берете всего по немногу и не съ разу \*\*\*\*).

Оглянитесь кругомъ. Вокругъ стѣнъ и отдѣльными кружками сидятъ сарты, подобравъ подъ себя ноги и поставивъ подлѣ калоши. Посмотрите. Вотъ встрѣтились два знакомыхъ,—согнувшись, они быстро сходятся вмѣстѣ и, взявшись за лѣвыя руки, правыми обнимаютъ другъ друга, потомъ точно также обнимаются лѣвыми, послѣ чего усаживаются рядомъ.

Вошелъ бача и лѣнливою походкой, мелкими шагами, идетъ къ одному изъ кружковъ. Онъ одѣтъ въ новую, вышитую шелкомъ, тюппе (тубетейку) и шелковый халатъ, на его рукѣ два кольца съ крупной бирюзой. Тотчасъ же весь кружокъ встаетъ и сарты, согнувшись и держа руки на животѣ, привѣтствуютъ его. Онъ садится и приглашаетъ другихъ послѣдовать его примѣру. Взоры всего кружка обращаются на бачу. Принесли чай, и бача, наливъ

\*) Кувшинъ, въ которомъ завариваютъ чай.

\*\*) Мѣстный кальянъ, но съ короткимъ и твердымъ чубукомъ.

\*\*\*) Достарханъ—угощеніе, подаваемое сейчасъ же по приходѣ гостя.

\*\*\*\*) Сидѣть съ протянутыми впередъ ногами считается верхомъ неприличія и неумѣнья держать себя въ обществѣ. Сартъ всегда сидитъ такъ, что сидитъ на своихъ же пяткахъ и только если онъ одинъ или съ равными, съ которыми онъ безъ церемоній, садится, такъ сказать, орлякомъ. Въ противномъ случаѣ онъ сперва стаетъ на колѣни и потомъ сидитъ на нихъ.



чашку и отпивъ изъ нея глотокъ, передаетъ кому нибудь изъ присутствующихъ. Осчастливленный такимъ вниманіемъ сартъ, съ сверкающимъ отъ радости взоромъ, выпиваетъ ее и со словомъ „кулдукъ таксыръ“ \*\*\*\*\*) передаетъ

опять бачѣ. Иногда бача подшучиваетъ надъ окружающими и, призвавъ кого нибудь, подаетъ ему чашку, но какъ только тотъ, прибѣжавъ, протянетъ за нею руки, онъ быстро передаетъ ее другому. Подобный маневръ возбуждаетъ неумолкаемый смѣхъ надъ обманутымъ, а тотъ съ покорностію ждетъ, когда смилуется бача и, отпивъ, подастъ ему чашку чая.

Уже не первый разъ обносятъ чилимъ и всегда первому подаютъ бачѣ; онъ преисправно затягивается изъ него и, сплюнувъ на сторону, велитъ подавать его другимъ. Всѣ по-очередно затягиваются по разу, послѣ чего чилимъ тушится и ставится на свое мѣсто до новаго востребованія. Между тѣмъ идутъ приготовленія къ танцу. Въ сторонѣ, гдѣ сидятъ музыканты, начинается раздаваться тихое побрякиваніе въ бубны, по временамъ бубенщикъ напѣваетъ что-то въ полголоса, и бача, покачивая головой, подтягиваетъ ему. Съ очага пронесли жаровню для нагрѣванія бубенъ, чтобы громче раздавалась выбиваемая на нихъ дробь. Въ серединѣ очищается мѣсто и расправляется коверъ, на которомъ будетъ плясать бача. Уже нѣсколько разъ посетители выказывали свое нетерпѣніе крикомъ: ээээ.....! Наконецъ, бача, переодѣвшись въ женскій костюмъ, выходитъ на середину и становится лицомъ къ музыкантамъ. Изъ подъ его тюпье рассыпались по плечамъ двѣ густыя косы, подъ пестрымъ шелковымъ халатомъ виднѣется красная рубашка и такія же шальвары. Уже и бубны нагрѣты и одинъ изъ бубенщиковъ, привставъ на колѣни, выбиваетъ дробь пальцами лѣвой руки и, постукивая въ тактъ правой, зажмуривъ глаза, начинаетъ во все горло выкрикивать короткія фразы; но бача все еще стоитъ на мѣстѣ и только, поднявъ руки, слегка хлопаетъ ими въ тактъ. По временамъ онъ смотритъ на окружающихъ и переступаетъ съ ноги на ногу. Но вотъ лѣвшаго или скорѣе кричавшаго бубенщика смѣняетъ другой. Нагнувшись къ уху своего товарища, онъ еще неистовѣе кричитъ что-то такое. Мало по малу темпъ ускоряется и бача, продол-

\*\*\*\*\*) Кулдукъ—значитъ благодарю, таксыръ—повелитель. Этимъ титуломъ не величаютъ бачей только ханы и самые важные сановники; всѣ же прочіе смертные говорятъ бачѣ «таксыръ» и, рассказывая про бачу, говорятъ во множественномъ говорятъ: «они мнѣ сказали, а имъ подалъ»:



жая хлопать ладонь о ладонь и дѣлая босыми ногами па въ родѣ нашей русской пляски, тихо обходить кругъ и опять останавливается передъ музыкантами. Быстрѣе и быстрѣе выбивается дробь, сильнѣе кричатъ оба бубенщика и, наконецъ, вмѣстѣ издають нѣчто въ родѣ трели. Соразмѣрно темпу музыки, движенія бачи дѣлаются все живѣе, и вдругъ онъ начинаетъ быстро кружиться на одной ногѣ. Оборвалась дробь, перестали гремѣть бубны, и бача, медленно покружившись въ другую сторону, останавливается передъ музыкантами. Загремѣли опять бубны, заплѣли бубенщики, и бача вторично началъ обходить кругъ. Плечо его вздрагиваетъ, поднятыя вверхъ руки мѣрно колышутся, но лицо его совершенно спокойно и только выступившія на немъ капли пота говорятъ, что круженіе на одной ногѣ даетъ ему себя знать. Опять учащается темпъ, опять движенія бачи дѣлаются живѣе. Одинъ изъ сартовъ отвязалъ отъ пояса платокъ и, вставши, ждетъ, когда мимо него пройдетъ бача, чтобъ вытереть ему съ лица потъ. Едва онъ это кончилъ, какъ раздалась трель; нѣсколько человѣкъ учащенно захлопали въ ладоши, и бача началъ опять вертѣться на одной ногѣ. Еще долѣе прежняго кружится онъ, тубетейка слѣзла ему на глаза, разметавшіяся косы бьютъ его по лицу, кажется, вотъ, вотъ онъ упадетъ; но едва перестаетъ трель, онъ мгновенно останавливается и опять, тихо покружившись въ другую сторону, подходитъ къ одному изъ сартовъ. Онъ замѣтилъ, что тотъ давно уже всталъ и, согнувшись, протягиваетъ ему чилимъ и чашку съ чаемъ. Молча, съ совершенно безстрастнымъ лицомъ, затыгивается бача чилимомъ и, отпивъ чая, идетъ на свое мѣсто. Между тѣмъ бубенщики успѣли перевести духъ и, подогрѣвъ на жаровнѣ бубны, начали снова что то выкрикивать, выбивая тактъ дробью. Бача стоитъ передъ ними. Одна рука его поднята кверху, а другой онъ оперся въ бокъ; все тѣло его начинаетъ вздрагивать и онъ, въ третій разъ обойдя кругъ, становится на колѣно передъ музыкантами. Медленно гладитъ онъ свои косы, плавно и не безъ граціи колышетъ онъ руками, нагибая на бокъ туловище и закинувъ назадъ голову—и вдругъ начинаетъ кружиться. Быстро вальсируетъ онъ на колѣняхъ по кругу, придерживая руками полы халата. Музыканты выходятъ изъ себя. Голоса ихъ безпрестанно срываются. Они уже не сидятъ, а, вставши на колѣни и вытянувъ шею, бубенщики нагнулись другъ къ другу и во все горло выдѣлываютъ быструю трель. А бача все кружится на колѣняхъ. Нѣсколько рукъ съ платками и



чашками чая протягиваются къ нему. Замолчали музыканты, издавъ послѣднюю хриплую ноту и, бача, медленно окинувъ глазами кругъ посѣтителей, выбираетъ двухъ, которыхъ онъ осчастлививаетъ тѣмъ, что выпиваетъ ихъ чай и позволяетъ вытереть платкомъ свое лицо.

Этимъ кончается пляска и начинается сужденіе о достоинствѣ плясуна.

„Это самаркандъ бача“, сообщилъ мнѣ одинъ изъ сидѣвшихъ рядомъ сартовъ. „У меня четыре баранчукъ, туртъ \*) бача“, пояснилъ онъ мнѣ, думая, что послѣднее будетъ для меня понятнѣе. „Такой жирный, тотъ лучше, ходи пожалуста“. Но я только пощелкалъ языкомъ въ знакъ моего удивленія къ таланту его бачей и отклонилъ его предложеніе, объяснивъ, что уже поздно, и мнѣ надо ѣхать.

П. М.



**Изъ Фергана** (Корреспонденція „Восточ. Обзор.“). Жизнь Востока слишком полна всевозможными институтами права, явлениями обыденной жизни, съ трудомъ подвергающимся анализу, съ точки зрѣнія европейской науки, даже съ точки зрѣнія нашей справедливости. Конечно, время сдѣлаетъ свое дѣло, даже при полной несостоятельности нашихъ цивилизаторовъ, взявшихъ на себя высокую задачу просвѣщенія Востока, думающихъ, что Востокъ есть дивизія, гдѣ циркуляръ и слово „смирно“, сдѣлаютъ великій прогрессъ. Такъ или иначе, вліяніе нашего культурнаго закона должно отразиться на туземной средѣ, внести въ нее кое-какіе новыя взгляды на жизнь и житейскія отношенія. Хотя обычное право туземцевъ является выраженіемъ народной жизни, результатомъ живой, практической работы нѣсколькихъ поколѣній, но оно, думаемъ, можетъ быть терпимо до тѣхъ поръ, пока не нарушаетъ аксіомы цивилизованнаго міра въ сферѣ справедливости. Правительство, при завоеваніи края, оставляя въ силѣ обычное право, проводило выше приведенное положеніе. Взглядъ этотъ понятенъ, съ точки зрѣнія справедливости, ибо до прихода русскихъ существовали у туземцевъ такіе институты права, какъ рабство, такіа наказанія, какъ отсѣченіе рукъ и ушей (см. Юридическій Вѣстникъ 1880 г., книга 7-я стр. 541). Но отмѣтимъ другую сторону медали изъ народной жизни, укажемъ на такіе институты, какъ брачное право, съ его отношеніями супруговъ, попробуемъ поднять завѣсу этихъ тайниковъ, хотя отчасти, гдѣ сплошь и рядомъ творятся возмущающія совѣсть дѣла, и мы, при полномъ желаніи освѣтить, по возможности, эти подвалы тьмы, пустить въ нихъ живую струю воздуха, останемся безусловно безсильными. Кое-какіе лишь голоса долетаютъ до насъ изъ этого подвала рабства и земной юдоли печали. Замкнутость женщины на Востокѣ дѣло извѣстное. Скажемъ однако, что сарты дошли до апогеоза безобразія по этому вопросу. Они выпускаютъ своихъ женъ и дочерей на улицу, на базаръ не иначе какъ съ темными сѣтками изъ конскаго волоса, закрывающими все лицо, что у татарокъ замѣняется легкой вуалью (тюль), а киргизки всѣ и всюду ходятъ съ открытымъ лицомъ. Женщина не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ, вѣ ея сакли, это безгласное животное, окруженное ласками, пока молода, и побоями, когда не можетъ быть игрушкою сладострастія въ рукахъ своего всевластнаго таксыра (господина), когда наступаетъ старость. Семейныя драмы вырываются на свѣтъ Божій, хотя рѣдко, фигурируя на судѣ казіевъ, или русскомъ. Но, при всемъ желаніи администраціи, которая, въ качествѣ второй инстанціи, разбираетъ эти дѣла, по жалобамъ на рѣшенія суда казіевъ, улучшить положеніе этихъ несчастныхъ твореній дѣло почти невозможное.



Разводы супругов практикуются часто и легко, но они скорѣе являются могучимъ орудіемъ въ рукахъ сластолюбивыхъ туземцевъ, чѣмъ пособіемъ для женщины въ ея некрасивой долѣ. Эта аномалія, трудно поддающаяся вліянію русскаго закона, нашимъ идеямъ, всецѣло лежитъ въ фанатизмѣ народа, казіевъ, основанномъ на 4 главѣ, 38 ст. корана, которая гласитъ, что жена ниже достоинствомъ мужа, что мужъ можетъ бить своихъ женъ за непокорность къ нему. Что-же нужно еще? Понятно, что мудрые фанатики казіи всегда оправдываютъ мужа и пайдутъ неприличнымъ подачу женою жалобы на супруга, ибо она должна безропотно, по корану, переносить побои. Браки совершаются почти въ младенческомъ возрастѣ и старикъ въ 70 лѣтъ часто женится на дѣвчкѣ въ 11 или 12 лѣтъ! Замѣтимъ, что между русскими есть такіе философы, которые, крича о какой-то „самобытности“, о вредѣ нашей цивилизаціи, преклоняются всему сартовскому и одобряютъ даже положеніе у сартовъ женщины, указывая, что ея высокое положеніе объясняется правомъ ея имѣть отдѣльную отъ мужа собственность. Но мы удивляемся этимъ милымъ сартофиламъ, ибо бранить нашу цивилизацію гораздо легче, чѣмъ изучать ея прогрессивное движеніе, ея мысли, доводы же ихъ о собственности тѣмъ болѣе не выдерживаютъ и школьной критики, что коранъ обезличилъ женщину, а обезличенный субъектъ едва-ли въ состояніи реализовать свое право, хотя бы оно, *de jure*, принадлежало ему. Думаемъ, что изъ тысячи случаевъ женщина реализуетъ свое отдѣльное право собственности всего два или три раза, но мы встрѣчали перѣдко факты, когда мужья продавали своихъ женъ въ русскіе публичные дома. Одно зло порождаетъ всегда другое. Такъ случилось и въ жизни туземцевъ. Отсутствие женщины между мужчинами породило другое возмутительное явленіе, бачебазство, и извращеніе естественныхъ отношеній. Открытымъ бачебазствомъ туземцы называютъ ухаживаніе за бачею (мальчикъ, который поетъ и пляшетъ), но не нужно быть проницательнымъ, чтобы понять всю гадость этого явленія.

Наши сартофилы, старающіеся прикрыть развратъ народа, называютъ это постыдное явленіе „платоническою любовью“. Бачей держатъ богатые туземцы на свой счетъ, а бѣдные компаніями, джурами, и изъ-за нихъ то и дѣло совершаются даже убійства. Въ „Криминалистѣ“ за 1882 г. № 6 появилась замѣтка о судѣ казіевъ, гдѣ авторъ съострилъ, говоря, что французы въ каждомъ преступленіи ищутъ „qui est la femme“, а слѣдователь въ туркестанскомъ краѣ долженъ искать „qui est le batcha“?



сами къ отдѣлу, тогда можно будетъ сказать, можетъ-ли онъ отвѣчать на запросы, и выяснитъ, кто виноватъ въ слабомъ развитіи дѣятельности Отдѣла: онъ самъ или общество.

Пожелаемъ-же, чтобы нашъ отдѣлъ, проводивъ своего почтеннаго предсѣдателя, вновь принялся за работу и завоевалъ среди публики побольше симпатій и довѣрія къ своей дѣятельности.

Будутъ симпатіи и довѣріе—явятся средства и надо надѣяться, что отдѣлъ окажется на высотѣ своего призванія.

К. О.

### Остатки языческихъ обычаевъ среди туземцевъ.

Не смотря на нетерпимость ислама ко всему напоминающему о прочихъ религіяхъ, между туземцами до сихъ поръ еще сохранилось много любопытныхъ остатковъ ихъ прежнихъ вѣрованій. Хранителями этихъ переживаній давно минувшихъ временъ являются преимущественно женщины, какъ элементъ болѣе консервативный и болѣе изолированный отъ посторонняго вліянія. Не входя въ разборъ отношеній между сохранившимися остатками вѣрованій и ихъ первоначальнымъ источникомъ, и не претендуя на всестороннее разсмотрѣніе предмета, я постараюсь сообщить въ немногихъ словахъ извѣстныя мнѣ черты нѣкоторыхъ туземныхъ обычаевъ, оставшихся отъ до-мусульманской эпохи. Въ нихъ легко можно замѣтить слѣды былого почитанія огня, деревьевъ, духовъ, нѣкоторыхъ мѣстностей и т. д.

Между переживаніями въ культѣ огня особенно характеренъ обычай, называемый „сафаръ-качты“ (сафаръ-убѣжалъ), напоминающій языческое празднованіе дня нашего Ивана Купала. Въ концѣ мѣсяца Сафара убиваютъ собаку, раскладываютъ ночью костры и прыгаютъ черезъ нихъ, приговаривая „алясь, алясь, балѣлирданъ халась“

(алясь, алясь—избавленіе отъ бѣды<sup>1)</sup>). Считается, что прыганіе черезъ огонь предохраняетъ людей отъ несчастій. Обычай этотъ весьма распространенъ. Его можно встрѣтить въ Ходжентѣ, Ташкентѣ, Самаркандѣ и Бухарѣ, хотя и не вездѣ онъ одинаково популяренъ. Изъ туземныхъ источниковъ видно, что иногда ханы и беки пробовали бороться противъ этого обычая, какъ противнаго духу ислама, но, не смотря на это, онъ сохранился до сихъ поръ, хотя за послѣднее время сталъ употребляться замѣтно рѣже.

Огонь также служитъ и лекарствомъ противъ нѣкоторыхъ болѣзней. Когда человекъ, напримѣръ, сильно чего-нибудь испугается и испугъ дурно подействуетъ на его нервную систему, то больного заставляютъ прыгать черезъ разведенный огонь, чтобы прошли послѣдствія испуга.

Когда ребенокъ постоянно плачетъ, то нѣкоторыми нѣжными родителями для успокоенія дѣтей практикуется средство, называемое „куркакъ“. Для этого берется вата, раздвигается и взбивается какъ можно пухлѣе, обкладывается вокругъ колыбели ребенка и затѣмъ поджигается. Когда моментально вспыхнувшее и охватившее колыбель ребенка пламя погаснетъ, ребенокъ считается вылѣченнымъ.

Отъ нѣкоторыхъ болѣзней лѣчатъ, обводя три раза вокругъ головы зажженной тряпкой, повѣшенной на пруть. Затѣмъ даютъ больному—тоже три раза—плюнуть на нее и отбрасываютъ въ сторону.

Довольно значительную роль въ домашнемъ обиходѣ у туземцевъ играютъ лучинки, обернутыя ватой и обмакнутыя въ масло. У таджиковъ онѣ называются „нукча“, а у сартовъ „учъ“. „Нукча“ служитъ и средствомъ для уми-

<sup>1)</sup> Въ Ходжентѣ туземцы рассказываютъ, что въ этотъ день собаки, какъ бы предчувствуя угрожающую опасность, исчезаютъ, убѣгая въ поле или причась въ садахъ, такъ что бываетъ трудно ихъ найти.



лостивленія духовъ и лѣкарствомъ, такъ какъ болѣзни часто приписываются вліянію разныхъ духовъ (джинъ, пари, аджина, албасты, дивъ и т. д.). Въ особенности часто употребляется „нукча“ по рецептамъ туземнаго знахаря-фольбена. Такъ иногда, во время продолжительной и упорной болѣзни, фольбенъ объявляетъ больному, что его поразилъ джинъ, когда онъ проходилъ мимо „унбори“<sup>2)</sup>. Избавиться отъ этого онъ можетъ зарѣзавши козла, шурба (похлебка) изъ котораго хлебается фольбеномъ вмѣстѣ съ джинами. Въ головахъ у постели больного ставятъ 3—4 нукчи, одну или двѣ ставятъ передъ нимъ. Подъ мышку ему даютъ краснаго пѣтуха, иногда черную кошку. Въ такомъ положеніи больной проводитъ ночь. Если больной, не смотря на это умираетъ, то фольбенъ объявляетъ, что онъ раздѣлался съ духами своей смертью.

„Нукчи“ также зажигаются въ ночь съ четверга на пятницу на могилахъ родныхъ и дома, какъ приношеніе духамъ предковъ. При этомъ читаются заупокойныя молитвы.

Когда молодая въ первый разъ вступаетъ въ домъ мужа, она произноситъ нѣсколько привѣтствій (саламовъ) Богу, пророку, четверемъ первымъ калифамъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ привѣтствуетъ огонь или домашній очагъ.

Послѣ обрѣзанія, обряда чисто семитическаго, иногда ребенка сажаютъ на плечи и вечеромъ обносятъ три раза вокругъ костра.

Весьма живо сохранились среди туземцевъ также слѣды почитанія деревьевъ. У многихъ мазаръ можно видѣть деревья съ тряпочками, привѣшенными къ нимъ иногда въ изобиліи. Это все приношенія (назръ) главнымъ образомъ, женщинъ желающихъ

избавиться отъ безплодія или какой-нибудь болѣзни, или, наконецъ, вѣщающихъ свои приношенія безъ опредѣленныхъ цѣлей въ силу только того, что такъ дѣлали цѣлыя поколѣнія до нихъ.

Въ одной извѣстной русской сказкѣ говорится, что дѣвушка, спасаясь отъ преслѣдованія вѣдьмы, подлила масла подъ ворота, чтобы они не скрипѣли, и, умиловляя березку, перевязала ее ленточкой, чтобы она не захлестала бѣглянку своими вѣтвями. Ясно, что здѣсь, какъ и въ обычаѣ туземныхъ женщинъ, сквозитъ былое почитаніе деревьевъ, общее аріямъ. Нѣчто подобное о привѣшиваніи сообщаетъ Пржевальскій въ своемъ путешествіи по Тибету<sup>3)</sup>. Этотъ обычай встрѣчается также между казанскими татарами и чувашами. По вѣрованію туземцевъ, если сорвать тряпочку, принесенную во исполненіе обѣта, то можно вызвать печальныя послѣдствія—будетъ болѣть голова или пошлется изъ на рукахъ.

<sup>3)</sup> Пржевальскій. Тибетъ, стр. 24.

Слѣды культа деревьевъ выражаются еще въ томъ, что фольбенъ посылаетъ часто ставить „нукчу“ подъ какое-нибудь старое дерево. Особенно почитаются старыя деревья, растущія у мазаръ. Срубить такое дерево большой грѣхъ и это обязательно принесетъ несчастье. Поэтому у многихъ мазаръ стоятъ старыя, давно засохшія деревья и не трогаются никѣмъ. У киргизъ, сравнительно менѣе подверженныхъ вліянію ислама, многія прежнія вѣрованія сохранились еще живѣе. Встрѣчая въ степи торчащую палку, шесть или одиноко растущее дерево, киргизъ никогда не рѣшится уничтожить ихъ изъ боязни, что эти предметы могутъ находиться при какой-нибудь могилѣ. Этимъ только и можно объяснить встрѣчаемые иногда въ степи одинокіе шести, палки, деревья, которыя киргизы давно-бы уничтожили на топливо, если бы ихъ не удерживалъ религіозный страхъ. Сарты подымѣли

<sup>2)</sup> „Унбори“ (амбори) называется такое мѣсто, гдѣ есть арыкъ, черезъ него мостъ и около стоятъ стѣны. Такія мѣста считаются предпочтительно пригодными для обитанія духовъ.



въ киргизахъ. эту черту и во время присяги, часто предлагаютъ киргизу срѣзать вѣтку съ дерева у мазара, въ доказательство своей невинности, и киргизъ, за минуту передъ тѣмъ храбро, но завѣдомо ложно произносившій арабскую формулу присяги, ни за что, если онъ не правъ, не рѣшится этого сдѣлать.

Точно также развито среди туземцевъ и почитаніе духовъ предковъ (арвахъ). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ ночь передъ большими праздниками относятъ на могилы родныхъ блюда съ пищей въ надеждѣ, что ихъ души воспользуются предложенной трапезой. Самая пища, относимая на могилы, называется „арвакъ аши“ (пища духовъ). Этотъ обычай, также какъ и многіе другіе, сильно преслѣдовался въ свое время ревнителями мусульманства. Поэтому теперь его рѣдко можно встрѣтить. Сохранился обычай украшать могилы цвѣтами. Весной, когда цвѣтутъ красныя тюльпаны (леля), женщины толпами идутъ на кладбище, варятъ палду и втыкаютъ надъ могилами принесенные цвѣты. М. А.

### *Ташкентъ, 12 апрѣля.*

Нѣкто, скрывающій свое имя подъ инициалами М. Н. И., пропагандируетъ на страницахъ журн. „Развѣдчикъ“ мысль объ изученіи у насъ языка „индустани“. Языкъ этотъ, на которомъ говорятъ болѣе ста милліоновъ обитателей Индустанскаго полуострова, является въ то же время команднымъ языкомъ индійской арміи и языкомъ новоиндійскаго драматическаго искусства и изящной литературы. На немъ издаются книги и газеты, распространяющія, между прочимъ, „много неправды о Россіи“. Наконецъ, на „индустани“ ведутся торговые сношенія индійскихъ купцовъ, которые имѣютъ свои интересы и въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ. Поэтому М. Н. И. считаетъ

своевременнымъ выступить со слѣдующими предложеніями:

1) Ввести преподаваніе „индустани“ на курсахъ восточныхъ языковъ и въ академіи генеральнаго штаба.

2) Сдѣлать этотъ языкъ однимъ изъ главныхъ предметовъ въ туземныхъ школахъ Туркестана.

3) Принять мѣры къ распространенію его среди казаковъ кубанскаго, терскаго, уральскаго, оренбургскаго и сибирскаго войскъ.

4) Создать въ Ташкентѣ повременный органъ на „индустани“, въ которомъ развивался-бы правильный взглядъ на русское вліяніе на Востокъ.

и 5) Выписывать газеты на „индустани“, чтобы слѣдить за духомъ страны.

М. Н. И. заранее восхищается тѣмъ моральнымъ эффектомъ, какой должно произвести среди англичанъ и ихъ индоостанскихъ подданныхъ извѣстіе о томъ, что „Бѣлый Царь приказалъ своимъ войскамъ изучать языкъ, на которомъ распространяется злая неправда о Россіи“.

Признавая до извѣстной степени цѣлесообразность перваго и послѣдняго изъ перечисленныхъ предложеній, мы должны замѣтить, что остальные не выдерживаютъ ни малѣйшей критики и основаны на очевидномъ незнакомствѣ ихъ автора съ положеніемъ дѣлъ на нашей окраинѣ. Заставить школьниковъ изучать языкъ, на которомъ громадному большинству изъ нихъ не придется во всю жизнь не сказать ни слова, и который, такимъ образомъ, является для нихъ, въ буквальномъ смыслѣ мертвымъ—это было-бы хуже введенія классической системы среди туземцевъ и врядъ-ли согласовалось-бы съ гуманными и просвѣтительными задачами школы вообще. Точно также непонятно намъ, зачѣмъ можетъ понадобиться „индустани“ уральцамъ, оренбуржцамъ и прочимъ казачьимъ войскамъ, изъ которыхъ большинство се-